

УДК 811.1
DOI 10.17223/18137083/66/13

А. В. Кравченко

Иркутский государственный университет

Насколько экзотичен «принцип непосредственности восприятия» в языке пираха?

Уже обсуждавшаяся в одном из выпусков «Сибирского филологического журнала» книга Д. Эверетта о языке и культуре индейцев племени пираха вызвала заметный резонанс в мировом лингвистическом сообществе, поставив под сомнение базовые постулаты учения Хомского; но при этом в стороне осталась интереснейшая особенность этого языка, описанная Эвереттом, – «принцип непосредственности восприятия». Отталкиваясь от эпистемической максимы Матураны «все сказанное сказано наблюдателем другому наблюдателю», мы собираемся показать, что, в противоположность мнению Эверетта, этот принцип не является уникальной особенностью языка пираха, но проявляется и в европейских языках, таких, например, как русский или английский, – в частности, в системе видовых противопоставлений глагола. Можно предположить, что этот принцип является языковой универсалией, обусловленной биологической функцией языка.

Ключевые слова: восприятие, наблюдатель, поле зрения, перцептуальная контекстуализированность грамматических категорий, глагольный вид, биологическая функция языка.

1. Чем интересна книга Эверетта

Книга «Не спи, кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей» [Everett, 2008] продолжила обсуждение интригующих черт языка и культуры племени амазонских индейцев пираха, описанных Эвереттом ранее [Everett, 2005] и вызвавших бурную дискуссию в лингвистических кругах. Годы, проведенные Эвереттом с индейцами пираха, позволили ему понять и описать их жизнь и язык, однако само по себе подобное описание вряд ли способно возбудить тот интерес, который вызвала книга. Дело в том, что наблюдения и выводы Эверетта ставят под сомнение учение Хомского об универсальной грамматике как врожденной человеческой способности и о рекурсии как уникальной характеристике языка.

Хотя учение Хомского уже не одно десятилетие многими ставится под сомнение ([Hutton, 1993; Bod, 1998; Givón, 2002; Paradis, 2003; Lin 2017] и др.), бес-

Кравченко Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия; sashakr@hotmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 1
© А. В. Кравченко, 2019

письменный язык пираха предоставил тот эмпирический материал, которого не хватало для подкрепления аргументированной критики идей Хомского о природе и функции языка. Однако, с нашей точки зрения, значимость публикаций Эверетта о языке пираха определяется все же не этим.

«Открытие» языка пираха можно сравнить с открытием в 1938 г. латимерии – современного вида кистеперых рыб, считавшихся вымершими много миллионов лет назад. И хотя книгу «Не спи: кругом змеи» нельзя рассматривать как строго научную в том смысле, что она не предназначена для ученых-лингвистов, она тем не менее представляет несомненный научный интерес, потому что дает читателю возможность узнать множество интересных фактов о языке индейцев пираха и их жизни, наводящих на серьезные размышления. Одним из таких фактов является сформулированный Эвереттом для языка пираха «принцип непосредственности восприятия» (the immediacy of experience principle), который мы и собираемся рассмотреть более подробно.

2. Принцип непосредственности восприятия и биологическая функция языка

В главе под названием «Природа и непосредственность восприятия» можно прочитать следующее:

Поняв, что истории пираха всегда повествуют о непосредственно виденных событиях, я выучил новое слово, которое оказалось ключом к пониманию многих удивительных особенностей племени пираха.

Это слово – *xibiriío* (произносится «ибипио») [Эверетт, 2016, с. 138].

Это слово... описывает ситуацию, когда предмет появляется в поле зрения или исчезает. <...> Похоже, что слово «ибипио» связано с идеей, **не имеющей явного аналога в европейских языках**... Со временем я понял, что **это понятие относится к тому, что я назвал «границей восприятия», и описывает сам акт появления в поле восприятия или исчезновения из него – нахождение на границе воспринимаемого** [Там же, с. 140] (выделено нами. – А. К.).

Итак, по мнению Эверетта, понятие «граница восприятия» не имеет явного аналога в европейских языках. Насколько справедливо такое утверждение? Все зависит от того, что понимать под аналогом. Например, понятие определенности/неопределенности в английском языке тесно связано с артиклем, которого нет в русском. Означает ли это, что в русском языке не представлено это понятие? Конечно же нет. Как и в артиклевых языках, определенность/неопределенность референции играет важную смыслообразующую роль в коммуникации русскоговорящих людей, однако она связана с другими языковыми средствами – в частности порядком слов в высказывании (см.: [Кравченко, 1992, гл. 7]).

Можно предположить, что приведенное выше утверждение вызвано своеобразной зашоренностью Эверетта как лингвиста, когда формулирование тех или иных выводов испытывает подспудное влияние багажа лингвистических знаний, которым располагает ученый и который в значительной степени состоит из набора определенных представлений о так называемых хорошо изученных языках. Эти представления передаются от поколения к поколению и составляют содержание профессионального лингвистического образования. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что на самом деле нет хорошо изученных языков хотя бы по той простой причине, что лингвистика как научная дисциплина до сих пор не предложила внятного определения своего объекта, а следовательно, и предметная область лингвистики остается размытой и неопределенной [Кошелев, 2013; Кравченко, 2015].

В ряде публикаций мы приводили многочисленные аргументы в подтверждение того, что ортодоксальная лингвистическая мысль, отлитая в освященные временем и традицией «истины» о языке, на самом деле есть не что иное, как искаженная картина определенного феномена, отраженная в кривом зеркале наивных теорий, основанных на так называемом здравом смысле [Кравченко, 2009; Kravchenko, 2011]. Конечно, можно продолжать думать, что письменный язык репрезентирует язык устный, что естественный язык денотативен, а значения заключены в словах или что язык находится в сознании в виде «ментального органа» и состоит из ментального лексикона и набора грамматических правил, с помощью которых мы выражаем идеи и передаем их из одной головы в другую через канал вербальной коммуникации. Однако прогресс в науке невозможен без того, чтобы кто-то не начал думать «немыслимое», а как показывает история науки, любая идея «немыслима», если она противоречит взглядам и интуиции здравого смысла, которые разделяются большинством. То, что Эверетт обнаружил в языке пираха, – именно такой случай.

Эверетту представилась уникальная возможность изучить, понять и описать язык, никем ранее не описанный, причем изучение этого языка было возможно только при условии непосредственного погружения в культурно-языковую среду говорящего на нем народа. Главная особенность жизни пираха в том, что она подчинена обеспечению выживания путем приспособления к среде – окружающим их амазонским джунглям. Благодаря этому появляются почти уникальные условия для поиска ответа на вопрос: «В чем биологическая функция языка?»

Несмотря на то, что человек с точки зрения биологии – языковой организм [Jennings, Thompson, 2012] и роль языка в эволюционном развитии человека весьма существенна [Deacon, 1997], лингвистика продолжает жить мифами, которые цепко держат нас в своем плену. Размышления о языке на уровне здравого смысла, осуществляемые на этом же самом языке и потому заводящие лингвистов в эпистемологическую ловушку языка [Kravchenko, 2016], зачастую выдаются за научное объяснение. Как подчеркивает Т. Гивон, лингвистика с самого своего зарождения как науки испытывает фатальное влечение к структурализму, подменяя объяснение описанием или его формализацией: «Этот злой дух подчиняет себе лучших из нас... заставляя искать неуместные модели в физике, математике и компьютерной науке. И он заслоняет от нас мать всех дисциплин в изучении сознания, поведения и разнообразия – биологию» [Givón, 2009, p. xviii] (перевод наш. – А. К.).

Стоит ли удивляться тому, что в традиционной лингвистике вопрос о биологической функции языка не ставится в принципе, хотя он ставился в семиотике Ч. Моррисом еще в 1938 г. в его фундаментальной работе «Основания теории знаков»:

Реакция на вещи через посредничество знаков является... с биологической точки зрения, продолжением того же процесса, в котором восприятие на расстоянии начинает в поведении высших животных преобладать над восприятием в условиях обязательного контакта... Этот процесс учитывания все более и более отдаленного окружения прямо переходит в сложные процессы семиозиса, ставшие возможными благодаря языку, когда учитываемый объект уже не должен обязательно наличествовать в восприятии [Моррис, 1983, с. 64–65].

Естественноречевая коммуникация – это координированное поведение в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде (подробнее о биологических аспектах функции языка см.: [Златев, 2006; Коули, Кравченко, 2006; Ross, 2007; Kravchenko, 2008; 2011; 2017] и др.).

Итак, функционально, язык является продолжением органов чувств человека. Функция органов чувств – посредством ориентирования в пространстве адаптироваться к среде, встраиваясь в нее. Более того, как в свое время показал Дж. Гибсон в экологической теории восприятия [Gibson, 1979], перемещение в пространстве и восприятие суть две стороны единого когнитивного механизма, обеспечивающего адаптивное взаимодействие живого организма со средой, его *ин*-формирование (встраивание в нее). В результате такого встраивания возникает система «организм-среда» [Järvillehto, 1998], в которой организм нельзя понять и объяснить в отрыве от среды, так же как и среду нельзя до конца понять в отрыве от организма. Тот факт, что язык позволяет учитывать невоспринимаемые аспекты среды, заставляет говорящих дифференцировать в процессе языковых взаимодействий то, что непосредственно воспринимается и является частью переживаемого настоящего, и то, что не входит в поле восприятия (зрения) и поэтому не переживается в настоящем. Важность такого различия подчеркивается известным тезисом биологии познания: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» [Матурана, 1996, с. 97].

Лингвисты давно обратили внимание на то, что в различных языках (особенно америндских) имеются грамматические средства эксплицитного указания на источник сообщаемых сведений, получившего название «эвиденциальность» [Evidentiality, 1986; Willett, 1988; Evidentiality Revisited, 2017]; это указание встроено в форму глагола. Согласно Эверетту, в языке пираха система эвиденциальности состоит из трех суффиксов: пересказывательности (передачи с чужих слов), наблюдения и умозаключения. Возможно, во многих европейских языках действительно нет прямых аналогов эвиденциальным глагольным суффиксам (хотя показатели эвиденциальности отмечаются, например, в абхазском, турецком и балканских языках, см.: [Studies in Evidentiality, 2003]), но, если исходить из того, что биологическая (адаптивная) функция языка в целом определяет его особенности как средства ориентации в воспринимаемом мире, принцип непосредственности восприятия должен проявляться и в неамериндских языках.

3. Непосредственность восприятия как основа грамматического значения видовых противопоставлений

В одной из статей, посвященной проблеме значения глагольного вида как грамматической категории [Кравченко 1995], мы предложили новый подход к анализу системного значения видовых противопоставлений в русском языке, показав, что в их основе лежит категоризация глагольных референтов на два основных типа: непосредственно наблюдаемые говорящим и просто известные ему (при этом источник знания не специфицируется). Рассмотрение видовых противопоставлений как определенных структур знания, порождаемых в процессе взаимодействий говорящего с наблюдаемым им миром и укорененных в особенностях человеческого восприятия, позволяет решительным образом выйти из той парадоксальной ситуации, в которой аспектологические исследования находятся уже много десятилетий и о которой почти 30 лет назад писал И. Г. Милославский [1989, с. 39]:

...Вид как определенная совокупность признаков глагольной лексики выделяется строго и последовательно на... грамматических основаниях. Однако все усилия исследователей направлены на то, чтобы представить вид таким образом, будто бы он являет собой категорию, выделяемую на семантических основаниях. Именно этой цели служит идея семантического инварианта видовой принадлежности, положенной в основу определения вида в «Русской грамматике».

Именно этот семантический инвариант, в основе которого лежит идея предельности/непредельности действия, заставляет грамматистов упорно относить парные глаголы движения и перемещения в пространстве типа *лететь* – *летать*, *бегать* – *бежать*, *ползть* – *ползти*, *водить* – *вести* и под. к одному и тому же виду (несовершенному, НСВ), игнорируя самый принцип выявления грамматических категорий как метазнаков, образуемых регулярным противопоставлением форм и выражающих благодаря таким противопоставлениям системное (грамматическое) значение. Если природу грамматики понимать не как набор правил для употребления знаков, но как некоторые общие принципы и механизмы отображения опыта человеческих взаимодействий с миром в семиозисе [Kull, 2006], то ей нельзя дать определения без учета человеческой когнитивной деятельности, в первую очередь – восприятия [Kravchenko, 2012]. Однако понимание того, что значения грамматических категорий перцептуально контекстуализированы, пока еще не стало одной из исходных познавательных установок в исследованиях языка, хотя некоторые ученые такое понимание обнаруживали довольно давно. В частности, характеризуя особенности перфекта в русском языке, Н. А. Луценко [1989, с. 48] отмечал: «В перфектной форме актуализируется представление о субъекте как наблюдателе и как бы отодвигается на второй план представление о нем как деятеле. С этим связана дифференциация временных планов действия (оставленное позади, прошедшее) и восприятия, наблюдения его результатов (настоящее)».

Но такое же указание на наблюдаемость того, о чем идет речь, является важнейшей частью значения одного из глаголов в парах типа *водить* – *вести*. Ср.:

(1а) *Куда она его ведет?*

(1б) *Куда она его водит?*

С точки зрения грамматики как правил соединения слов в предложения, и (1а), и (1б) – правильные. Но признание этого мало что дает для понимания различия между ними, которое, конечно же, есть и обусловлено различием в грамматическом значении (т. е. различием когнитивно-семиотического характера) между формами *ведет* и *водит*. Необходимо подчеркнуть, что различие это именно грамматическое, а не лексическое, поскольку обе формы обозначают один и тот же способ перемещения в пространстве. Но если мы вместо деконтекстуализированных предложений возьмем два соответствующих высказывания, помещенных в ситуацию непосредственного восприятия (см. (2а), (2б)), картина сразу меняется, и форма *водит* уже не может быть употреблена:

(2а) *Смотри, куда это она его ведет?*

(2б) **Смотри, куда это она его водит?*

Очевидно, что системное значение этой формы противоречит контексту непосредственного восприятия, который задается формой *смотри* и индикатором *это* (см.: [Кравченко 2003]). Наоборот, в примере (3) запрет налагается уже на другой член глагольной пары и вызван он эксплицитным указанием (глагол *знаешь*) на то, что речь не идет о чем-то непосредственно воспринимаемом:

(3) (На уроке природоведения) *Петя, что ты **знаешь** о животном мире? — Птицы *летят/летают, звери *бегут/бегают, рыбы *плывут/плавают, змеи *ползут/ползают.*

Наблюдения такого рода недвусмысленно говорят о том, что принцип непосредственности восприятия имеет морфологическую выраженность в русских парных глаголах движения и перемещения, относящихся к древнейшему слою лексики. Можно предположить, что этот принцип имеет отношение к ограниче-

нию на образование форм настоящего времени у глаголов так называемого совершенного вида (СВ) типа *пролететь*, *убежать*, *отойти* и под., образованных от члена глагольной пары, маркированного по признаку «наблюдаемость»: пространственный префикс указывает на исчезновение наблюдаемого действия из поля зрения – в этом случае действие перестает быть частью переживаемого настоящего и не может быть категоризировано соответствующей глагольной формой. Следует отметить, однако, что в случае подобных глаголов речь идет именно об исчезновении объекта из поля зрения; никакого указания на то, что действие достигло предела, исчерпав себя (так называемый семантический инвариант СВ), в значении глагола нет. Ср.:

(4) (А смотрит в окно; Б спрашивает) Ну, и что ты там *видишь* интересного? – Да так, ничего особенного. **Вон**, автобус *проехал*/*проезжал.

Пространственный префикс противоположной направленности *при-* в глаголах СВ (*прийти*, *приехать* и т. п.) дает иной эффект. Представим ситуацию (5а), в которой муж возвращается с работы домой, его встречает жена и говорит:

(5а) Саша, ты что так поздно? К тебе Иван Семенович *пришел*.

Саша, как и любой русский человек, понимает, что Иван Семенович находится в квартире, ожидая его; другими словами, Иван Семенович готов появиться в поле восприятия Саши. Отметим, что глагол СВ в данном случае образован от члена глагольной пары, маркированного по признаку наблюдаемости (*идти* – *прийти*). Но если к противоположному члену пары (*ходить*) добавить префикс *при-* (5б), видовой статус исходного глагола не меняется (это по-прежнему глагол НСВ в традиционной терминологии), но зато меняется смысл высказывания; в этом случае Саша понимает, что Иван Семенович его не дождался и сейчас его в квартире нет:

(5б) Саша, ты что так поздно? К тебе Иван Семенович *приходил*.

Не имея возможности остановиться на характерных чертах видовых противопоставлений более подробно (заинтересованного читателя отошлем к упомянутой выше статье), подчеркнем лишь главное: в основе содержания грамматической категории вида лежит базовое противопоставление между *наблюдаемым* и *известным* как когнитивными атрибутами описываемых ситуаций, которые можно связать с понятиями *определенный источник информации* (конкретный наблюдатель) и *неопределенный источник информации*. Понятие наблюдаемости (определенности), в свою очередь, включает два перцептивных концепта: 1) нахождение глагольного референта непосредственно в поле восприятия (глаголы НСВ типа *идти*, *ехать*, *вести* и под.) и 2) появление референта в поле восприятия или исчезновение референта из поля восприятия (префиксальные глаголы СВ типа *уйти*, *уехать* – *прийти*, *приехать* и непроизводные глаголы СВ типа *пасть*, *лечь*, *дать* и под.). Пользуясь традиционной терминологией, можно говорить об **определенном несовершенном** виде (глаголы НСВ₁ типа *идти*) и **определенном совершенном** виде (разные морфологические типы глаголов СВ, в значение которых входит указание на наблюдаемость ситуации); оба они противопоставлены **неопределенному несовершенному** виду (глаголы НСВ₂ типа *ходить*, *делать* и под., не маркированные по признаку непосредственности восприятия). Таким образом, в русском языке система видовых противопоставлений является, строго говоря, не бинарной, а тернарной. Однако собственно видовые противопоставления (видовые пары непроизводных глаголов) представляют собой не тернарные, а бинарные оппозиции: это либо НСВ₁/НСВ₂ (*лететь* – *летать*, *вести* – *водить* и под.), либо СВ/НСВ₂ (*пасть* – *падать*, *лечь* – *лежать* и под.). Грамматическое значение недостающего члена парадигмы для глаголов НСВ₂ (а это большинство

глаголов в современном русском языке) присваивается немаркированной в видовом отношении формой (*работать, танцевать* и т. п.) и актуализируется в диалоге или тексте в зависимости от наличия контекстного указания на наблюдателя, ср.: *Он работает/танцует; (Смотри,) Он работает/танцует.*

В текстах роль пространственных префиксов в указании на границы восприятия затушевывается, поскольку, в отличие от диалогической речи, тексты бестелесны и атемпоральны и фигура наблюдателя в них не всегда эксплицирована. Если говорящий/пишущий всегда является наблюдателем по определению, то не всякий наблюдатель является говорящим/пишущим, а поскольку указание на наблюдателя как источник сообщаемых в тексте сведений не утрачивает важности при реализации языком своей ориентирующей функции, в тексте используются различные лексические и грамматические средства, позволяющие идентифицировать наблюдателя. Выявление и описание этих средств – отдельная важная задача для лингвистики текста.

В случае бесписьменного языка, такого как пираха, понимание ориентирующей функции языка не затемняется стереотипами, порожденными давней письменной традицией в европейских культурах и существенно влияющими на осмысление естественного языка в рамках традиционной лингвистики. Однако считать, что характерные черты таких языков являются чем-то экзотическим, абсолютно не свойственным для хорошо «изученных» европейских языков – значит выдавать желаемое за действительное.

Здесь стоит еще раз вернуться к слову *xibipíio*, которое в языке пираха описывает ситуацию, когда предмет появляется в поле зрения или исчезает, и, как считает Эверетт, связано с идеей, не имеющей аналогов в европейских языках. В приведенном выше примере (4) глаголу *проехал* предшествует местоименное наречие *вон*, значение которого связано с указанием на нечто зрительно воспринимаемое, находящееся на удалении от наблюдателя. Если сравнить этот пример с примером (6), то можно видеть, что *вон* в (6) употреблено в аналогичном значении:

(6) (К/ф «Полосатый рейс») – *Красиво плывут. – Кто? – Вон та группа в полосатых купальниках.*

Однако если в примере (4) речь идет об автобусе, **исчезающем** из поля зрения, то в примере (6) персонаж В. Ланового говорит о том, что **появилось** в поле зрения. Подобные особенности функционирования слова *вон* позволяют напрямую соотнести его со словом *xibipíio*.

Но вернемся к видовым противопоставлениям, теперь уже в языке, строй которого существенным образом отличается от русского, а именно, в современном английском. Существующие интерпретации значения так называемых глагольных времен (*tenses*) человеку (особенно славянину), пытающемуся овладеть английским языком, мало в этом помогают, а носителям английского языка такие объяснения не нужны, так как они усваивают грамматику как когнитивно-семиотическую систему без помощи дидактов, в ходе естественноречевых взаимодействий – точно так же, как говорящие на русском языке усваивают значения видовых форм без обращения к каким-либо объяснениям.

С учетом биологической функции языка как эволюционного развития механизма ориентации в мире, естественное овладение языком возможно благодаря тому, что для ребенка языковые формы приобретают значение вследствие их перцептуальной контекстуализованности. Противопоставление «наблюдаемое – знаемое», лежащее в основе грамматического значения русского вида, концептуализируется в виде неявного знания как категоризированного опыта «правильного» (т. е. соответствующего ситуации текущего восприятия) употребления видовых форм. Точно так же происходит усвоение значений английских «времен», и ана-

лиз особенностей их употребления показывает, что в их основе лежит то же самое противопоставление «наблюдаемое – знаемое», как в примерах (7а) и (7б):

(7а) *The sun rises in the east.* ‘Солнце встает на востоке’ («я знаю, что...»).

(7б) *Look, the sun is rising!* ‘Смотри, солнце встает!’ («я вижу, что...»).

В английском языке четыре вида «времен», при этом уже сами их названия говорят об отсутствии какого-то последовательно применяемого критерия классификации, ср.:

(8а) *What do you do?* ‘Чем (вы) занимаетесь?’ (present simple/indefinite).

(8б) *What are you doing?* ‘Чем (вы) занимаетесь?’ (present progressive).

(8в) *What have you done?* ‘Что вы сделали/наделали?’ (present perfect).

(8г) *What have you been doing?* ‘Чем вы занимались [все это время]?’ (present perfect progressive).

Высказывание (8а), и только оно, уместно в ситуации запроса информации – например, при знакомстве, когда говорящий хочет **узнать**, чем его собеседник зарабатывает на жизнь. Высказывание (8б), и только оно, может быть употреблено в ситуации **непосредственного восприятия**, когда говорящий видит что-то (некое действие), но затрудняется с интерпретацией наблюдаемой ситуации и приглашает ему в этом помочь. Высказывание (8в) также употребимо в ситуации восприятия, но при этом глагольный референт (действие) не является непосредственно воспринимаемым в момент осуществления высказывания, оно, это действие, – свершившийся факт. В канонической ситуации общения (так называемой ситуации конфронтации) это высказывание не является запросом сведений о чем-то, чего не знает говорящий. Скорее, это требование объяснить, почему слушающий сделал то, что он сделал, либо привлечь внимание к негативным последствиям такого действия, как в (9).

(9) *Look what you've done!* ‘Смотри, что ты наделал!’

Запрос информации о совершившемся действии требует употребления формы past simple (10).

(10) *What did you do (when you learned about it)?* ‘Что ты сделал (когда узнал об этом)?’

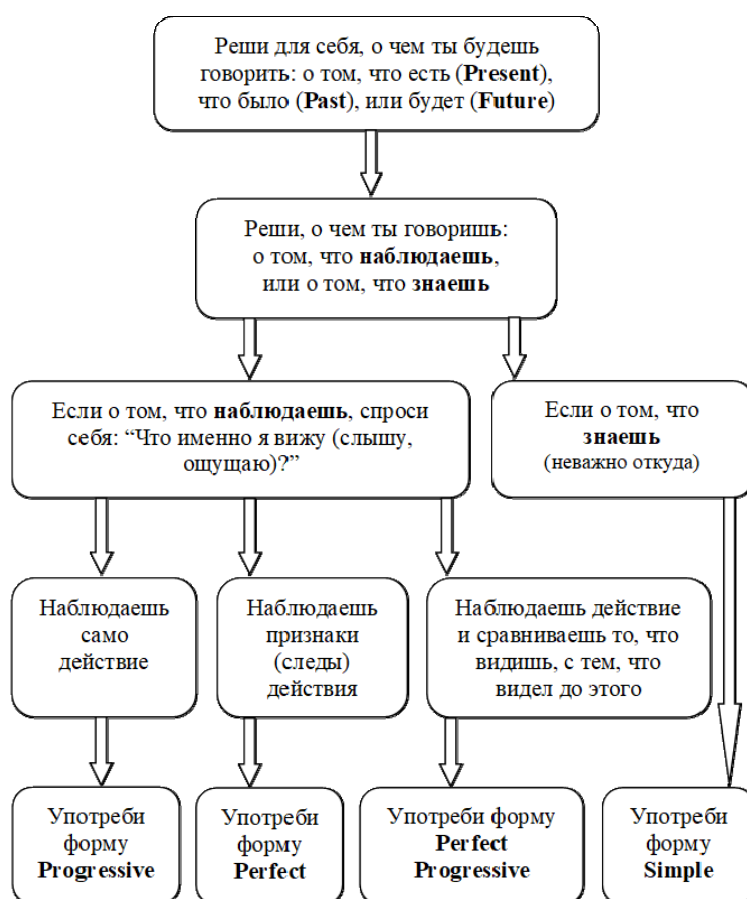
Наконец, высказывание (8г) совмещает в своем значении перцептивные признаки ситуаций, являющихся прототипичными для форм perfect и progressive. Форма perfect progressive употребляется тогда, когда мы говорим о непосредственно наблюдаемом действии и при этом одновременно сравниваем то, что мы видим сейчас, с тем, что видели в какой-то момент (или моменты) до этого (11). Например, я вижу, что Джон сидит за письменным столом и что-то пишет, но я также видел его за этим занятием и до этого, много часов назад, поэтому я могу сказать:

(11) *John's been writing/working all day* ‘Джон сегодня пишет/работает весь день’.

Принцип непосредственности восприятия, диктующий употребление английской формы progressive, ведет к тому, что в этой форме может употребляться любой глагол кроме модального, включая глаголы восприятия, ментальной деятельности, эмоционального отношения, состояния и под., – как бы ни настаивали на противном английские прескриптивные грамматики.

Таким образом, принцип непосредственности восприятия, на котором основана система грамматических форм английского глагола, позволяет вывести простой алгоритм (см. рисунок), позволяющий изучающим английский язык легко и практически безошибочно решать, какая форма глагола должна быть употреблена в той или иной ситуации.

Алгоритм выбора видовременной формы в английском языке
Decision tree for choosing a tense

Если забыть о давней и прочной традиции в грамматических штудиях рассматривать категорию глагольного вида так, как будто бы она выявлялась на чисто семантических основаниях, и оставить стереотипы, навязываемые ортодоксальной лингвистикой, можно увидеть много интересного в грамматике языков, казалось бы хорошо изученных – таких как русский или английский. Более того, можно увидеть, что в этих языках проявляется тот самый принцип непосредственности восприятия, который, по мнению Эверетта, составляет главную и уникальную особенность языка и культуры индейцев пираха. Вполне возможно, что этот принцип проявляется в той или иной степени во всех языках, поскольку он обусловлен биологической функцией языка как продолжения наших органов чувств.

Список литературы

- Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы* / Под ред. А. В. Кравченко. М.: Гнозис, 2006. С. 308–361. (*Studia Linguistica Cognitiva*; Вып. 1).
- Коули С. Дж., Кравченко А. В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // *Вопросы языкознания*. 2006. № 6. С. 133–141.
- Кошелев А. Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22.
- Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1992.
- Кравченко А. В. Глагольный вид и картина мира // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1995. Т. 54, № 1. С. 49–64.
- Кравченко А. В. Феноменология и когниция в семантике русского ЭТО // *Когнитивное моделирование в лингвистике: Сб. докл. междунар. конф., 1–3 сент. 2003, Варна* / Под ред. В. Полякова. Варна, 2003. С. 229–237.
- Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51–65.
- Кравченко А. В. О предметной области языкознания // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–172.
- Луценко Н. А. Взаимоотношение значений настоящего и будущего форм перфективного презенса в русском и других славянских языках // *Филологические науки*. 1989. № 4. С. 45–51.
- Матурана У. Биология познания // *Язык и интеллект* / Сост. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1996. С. 95–141.
- Милославский И. Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // *Филологические науки*. 1989. № 4. С. 37–44.
- Моррис Ч. У. Основания теории знаков // *Семиотика* / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
- Эверетт Д. Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.
- Bod R. *Beyond Grammar: An Experience-Based Theory of Language*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 1998.
- Deacon T. W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Human Brain*. W. W. Norton & Co., 1997.
- Everett D. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã // *Current Anthropology*. 2005. No. 46(4). P. 621–46.
- Everett D. *Don't Sleep: There are Snakes. Life and Language in the Amazon Jungle*. New York: Pantheon Books, 2008.
- Eventuality: *The Linguistic Coding of Epistemology* / Ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, NJ: Ablex, 1986.
- Eventuality Revisited: *Cognitive Grammar, Functional and Discourse-Pragmatic Perspectives* / Ed. by J. I. M. Arrese, G. Haßler, M. Carretero. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins, 2017.
- Gibson J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, MA: Houghton-Mifflin, 1979.
- Givón T. *Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins, 2002.

- Givón T. The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, Ontogeny, Neuro-Cognition, Evolution. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins, 2009.
- Hutton C. Analysis and notation: the case for a non-realist linguistics // *Linguistics and Philosophy: The Controversial Interface* / Ed. by R. Harré, R. Harris. Pergamon Press, 1993. P. 165–178.
- Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // *Integrative Physiological and Behavioral Science*. 1998. Vol. 33. P. 317–330.
- Jennings R. E., Thompson J. J. The biological centrality of talk // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* / Ed. by A. V. Kravchenko. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 33–63.
- Kravchenko A. V. Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From Non-Realist Linguistics to a Realistic Language Science. Frankfurt/Main etc.: P. Lang, 2008.
- Kravchenko A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2011. Vol. 6(3). P. 352–362.
- Kravchenko A. V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* / Ed. by A. V. Kravchenko. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 125–153.
- Kravchenko A. V. Constructivism and the epistemological trap of language // *Constructivist Foundations*. 2016. Vol. 12(1). P. 110–112.
- Kravchenko A. V. Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Didactic implications // *Intellectica*. 2017. No. 2(68). P. 175–191.
- Kull K. Life is many: on the methods of biosemiotics // *Biosemiotics in Transdisciplinary Contexts* / Ed. by G. Witzany. Umweb, 2006. P. 193–202.
- Lin F.Y. A refutation of universal grammar // *Lingua*. 2017. Vol. 193. P. 1–22.
- Paradis C. Is the notion of linguistic competence relevant in cognitive linguistics? // *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2003. Vol. 1. P. 207–231.
- Ross D. H. sapiens as ecologically special: what does language contribute? // *Language Sciences*. 2007. Vol. 29(5). P. 710–731.
- Studies in Evidentiality* / Ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins, 2003. (Typological Studies in Language 54).
- Willett T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language*. 1988. Vol. 12. P. 51–97.

A. V. Kravchenko

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation, sashakr@hotmail.com*

How exotic is the “immediacy of experience principle” in Pirahã?

Daniel Everett's book about the language and culture of Pirahã, an Indian tribe in the Amazonia (previously discussed in *The Siberian Journal of Philology*), has caused a lively reaction in the global linguistic community, questioning the basic tenets of Chomsky's theory. At the same time, an intriguing feature of this language, the “immediacy of perception principle” described by Everett, seems to have remained beyond the focus of attention. Starting with Maturana's epistemic maxim “everything said is said by an observer to another observer,” it will be shown that, counter to Everett's claim, this principle is not a unique feature of Pirahã and is manifested in European languages as well, such as Russian and English, for example, in particular, in the system of aspectual oppositions of the verb. It may be hypothesized that the “immediacy of experience principle” is a language universal stemming from the biological function of language.

Keywords: perception, observer, visual field, perceptual groundedness of grammatical categories, verbal aspect, biological function of language.

DOI 10.17223/18137083/66/13

References

- Bod R. *Beyond Grammar: An experience-based theory of language*. Stanford, CA, Center for the Study of Language and Information, 1998.
- Cowley S. J., Kravchenko A. V. Dinamika kognitivnykh protsessov i nauki o yazyke [Cognitive processes dynamics and language sciences]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2006, no. 6, pp. 133–141.
- Deacon T. W. *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain*. W. W. Norton & Co., 1997.
- Everett D. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã. *Current Anthropology*. 2005, no. 46(4), pp. 621–646.
- Everett D. *Don't Sleep: There are Snakes. Life and Language in the Amazon Jungle*. New York, Pantheon Books, 2008.
- Everett D. *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeytsev amazonских dzhungley* [Don't Sleep: There are Snakes. Life and language in the Amazon jungle]. Moscow, LRC Publ. House, 2016.
- Evidentiality Revisited: Cognitive grammar, functional and discourse-pragmatic perspectives*. J. I. M. Arrese, G. Haßler, M. Carretero (Eds). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2017.
- Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. W. Chafe, J. Nichols (Eds). Norwood, NJ, Ablex, 1986.
- Gibson J. *The ecological approach to visual perception*. Boston, MA, Houghton-Mifflin, 1979.
- Givón T. *Bio-linguistics: The Santa Barbara lectures*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2002.
- Givón T. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2009.
- Hutton C. Analysis and notation: the case for a non-realist linguistics. In: *Linguistics and Philosophy: The controversial interface*. R. Harré, R. Harris (Eds). Pergamon Press, 1993, pp. 165–178.
- Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*. 1998, vol. 33, pp. 317–330.
- Jennings R. E., Thompson J. J. The biological centrality of talk. In: *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. A. V. Kravchenko (Ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publ., 2012, pp. 33–63.
- Koshelev A. D. Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak vavilonskaya bashnya (o “mir-nom” sosushchestvovaniyu mnozhestva nesovmestimyykh teoriy yazyka) [Contemporary theoretical linguistics as a Babylon tower (on the “peaceful” coexistence of a multitude of incompatible theories of language)]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2013, vol. 72, no. 6, pp. 3–22.
- Kravchenko A. V. *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 2008.
- Kravchenko A. V. Constructivism and the epistemological trap of language. *Constructivist Foundations*. 2016, vol. 12, no. 1, pp. 110–112.
- Kravchenko A. V. Fenomenologiya i kognitsiya v semantike russkogo ETO [Phenomenology and cognition in the semantics of the Russian ETO]. In: *Kognitivnoye modelirovaniye v lingvistike: Sb. dokl. mezhdunar. konf., 1–3 sent. 2003, Varna* [Cognitive Modeling in Linguistics: Proceedings of intern. conf., 1–3 Sept. 2003, Varna]. Polyakov (Ed.). Varna, 2003, pp. 229–237.
- Kravchenko A. V. Glagol'nyy vid i kartina mira [Verbal aspect and the world view]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1995, vol. 54, no. 1, pp. 49–64.
- Kravchenko A. V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics. In: *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. A. V. Kravchenko (Ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publ., 2012, pp. 125–153.
- Kravchenko A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences. *Constructivist Foundations*. 2011, vol. 6, no. 3, pp. 352–362.
- Kravchenko A. V. Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Diadactic implications. *Intellectica*. 2017, no. 2(68), pp. 175–191.
- Kravchenko A. V. O predmetnoy oblasti yazykoznanija [On the subject matter of linguistics]. In: *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Contemporary

cognitive linguistics]. A. A. Kibrik, A. D. Koshelev (Comps). Moscow, LRC Publ. House, 2015, pp. 155–172.

Kravchenko A. V. O traditsiyakh, yazykovedenii i kognitivnom podkhode [On tradition, linguistics, and the cognitive approach]. In: *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [The horizons of contemporary linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, LRC Publ. House, 2009, pp. 51–65.

Kravchenko A. V. *Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost'. Deiktichnost'. Indeksal'-nost'* [Issues in the theory of indication: Egocentricity. Deixis. Indexicality]. Irkutsk, ISU Publ., 1992.

Kull K. Life is many: on the methods of biosemiotics. In: *Biosemiotics in Transdisciplinary Contexts*. G. Witzany (Ed.). Umweb, 2006, pp. 193–202.

Lin F. Y. A refutation of universal grammar. *Lingua*. 2017, vol. 193, pp. 1–22.

Lutsenko N. A. Vzaimootnosheniye znacheniy nastoyashchego i budushchego form perfektivnogo prezensa v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh [Interplay of the “present” and “past” meanings of the perfective praesens forms in Russian and other Slavic languages]. *Philological Sciences*. 1989, no. 4, pp. 45–51.

Maturana H. Biologiya poznaniya [Biology of cognition]. In: *Yazyk i intellect* [Language and intellect]. V. V. Petrov (Comp.). Moscow, Progress, 1996, pp. 95–141.

Miloslavskiy I. G. Vid russkogo glagola kak slovoobrazovatel'naya kategoriya [Russian verbal aspect as a word-formation category]. *Philological Sciences*. 1989, no. 4, pp. 37–44.

Morris C. W. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanov (Comp.). Moscow, Raduga, 1983, pp. 37–89.

Paradis C. Is the notion of linguistic competence relevant in cognitive linguistics? *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 2003, vol. 1, pp. 207–231.

Studies in Evidentiality. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (Eds). Amsterdam, Philadelphia, J. Benjamins, 2003. (Typological studies in Language 54).

Ross D. H. sapiens as ecologically special: what does language contribute? *Language Sciences*. 2007, vol. 29, no. 5, pp. 710–731.

Willett T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*. 1988, vol. 12, pp. 51–97.

Zlatev J. Znachenie = zhizn' (+ kul'tura): Nabrosok edinoy biokul'turnoy teorii znacheniya [Meaning = life (+ culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning]. In: *Yazyk i poznaniye: metodologicheskiye problemy i perspektivy* [Language and cognition: methodological problems and perspectives]. A. V. Kravchenko (Ed.). Moscow, Gnozis, 2006, pp. 308–361. (Studia Linguistica Cognitiva; Vyp. 1).